

Litera

Правильная ссылка на статью:

Анохина Ю.Ю. — Лирика А.А. Фета в интерпретации Вл. Соловьева: к вопросу о методологии // Litera. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.68832 EDN: ЕНКХНЛ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68832

Лирика А.А. Фета в интерпретации Вл. Соловьева: к вопросу о методологии

Анохина Юлия Юрьевна

ORCID: 0000-0001-8917-5445

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени АМ Горького РАН

121069, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Поварская, 25, оф. а

✉ jul.anokhin@gmail.com

[Статья из рубрики "Лирика и лирический герой"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.68832

EDN:

ЕНКХНЛ

Дата направления статьи в редакцию:

29-10-2023

Дата публикации:

14-11-2023

Аннотация: Настоящее исследование нацелено на выявление специфических черт методологии интерпретации русской лирики Вл.С. Соловьевым. В статье поднимается вопрос о методологическом инструментарии интерпретативной стратегии Соловьева на примере его подхода к лирике А.А. Фета. В частности, проводится имманентный анализ статьи «О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского» ("Русское обозрение", 1890). Изучаются композиционные особенности работы, рассматривается тот комплекс проблем, которые выдвигает Соловьев в связи с предложенной им интерпретацией лирики Фета. Вместе с тем, особое внимание уделяется проблеме создания художественного образа поэта в стихотворении Соловьева «А.А. Фету, 19 октября 1884» -стихотворения, инспирированного вручением

Фету первой Пушкинской премии за полный перевод Горация. Представленная в настоящей статье методология исследования подхода Соловьева к лирике Фета, а также его общетеоретические выкладки о сущности лирики как таковой основаны на возможностях логического и семантического контекстного анализа высказывания. Новизна исследования состоит в том, что впервые рассматривается проблема актуализации Соловьевым диалектики таких свойств, как «субъективность» / «объективность», «единичность» / «множественность», «завершенность» / «открытость», «форма» / «содержание» при прочтении им поэзии Фета. Показано, что в статье Соловьева "О лирической поэзии" этот метод задействуется при раскрытии различных аспектов. Утверждается, что взаимодействие свойств "завершенность" и "открытость" при изложении Соловьевым общетеоретических вопросов, связанных с проблемой определения поэзии, позволяет философу вывести определение "чистой лирики". Сделан вывод о том, что проведенный Соловьевым анализ тематического диапазона лирики Фета и его исследование формальных особенностей поэзии базируются на диалектических принципе, что позволяет соотнести подход философа с герменевтической традицией.

Ключевые слова:

Соловьев, Фет, чистая лирика, диалектика, стратегии интерпретации, философская критика, философия, поэзия, Вечерние огни, поэтический цикл

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ, проект № 23-28-00800).

The research was carried out at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS) funded by a grant from the Russian Science Foundation (RSF, Project No. 23-28-00800).

Среди созданных Владимиром Сергеевичем Соловьевым трудов особое влияние на процесс формирования русской религиозно-философской эстетики оказали его теоретические статьи об искусстве, а также цикл работ о писателях и поэтах [8]. Большинство этих работ были опубликованы при жизни философа, в основном в журнале «Вестник Европы». Некоторые из этих статей (например, статья о М.Ю. Лермонтове) при жизни Соловьева не печатались, но их объединяет взаимосвязь с эстетической программой философа, реализованный в них метод интерпретации и то, что они были написаны в последний период творчества философа. В основной корпус статей, позволяющих судить о подходе философа к русским поэтам, входят следующие работы: «Судьба Пушкина», «Лермонтов», «Поэзия Ф.И. Тютчева», «Поэзия гр. А.К. Толстого», «О лирической поэзии», «Буддийское настроение в поэзии».

Труды Соловьева о литературе составляют часть его философско-эстетической концепции, развернутой против позитивизма, «который исключил религию из сферы человеческой жизни» <перевод с англ. здесь и далее по тексту мой – Ю.А.> [27, с. 75], и обращенной к утверждению всеединства. «Философ поставил своей жизненной задачей облечь вечное содержание христианства в современную богословскую форму и через оправдание веры разумом помочь мыслящему русскому обществу вновь приобрести христианское мировоззрение», – пишет о философии Владимира Соловьева М. Аксенов-Меерсон в статье «Владимир Соловьев в наши дни» (1977), служащей своего рода предисловием к брюссельскому переизданию книги С.М. Соловьева «Жизнь и творческая

эволюция Владимира Соловьева» [22, с. XI]. Эта краткая формула показательна тем, что в ней на первый план выводится диалектический принцип философского творчества Соловьева, сделан акцент на стремлении философа к синтезу «вечного» содержания» и «современной формы».

Ориентация на обнаружение процесса раскрытия «вечного», абсолютного в завершённой форме художественного произведения проявляется и в работах Соловьева о поэтах, ведь, с его точки зрения, истинная поэзия – та, что воплощает вечные истины. Недаром Р.А. Гальцева и И.Б. Роднянская во вступительной статье к собранию литературной критики философа отмечают: «Ведущая мысль Соловьева – о свете преображения, которым будет пронизан и претворен весь тварный мир» [21, с. 9]. Показательно и сформулированное Гальцевой и Роднянской соотношение диалектических оснований эстетики Гегеля и эстетики Соловьева: если для Гегеля, по мысли исследовательниц, завершённое, «мир воплощённых форм» второстепенно по отношению к Абсолюту, то соловьевская эстетика зиждется на идее реального блага «воплощённой красоты» [21, с. 10]. Отсюда и представление о литературно-критическом цикле Соловьева как эстетическом проекте, имеющем теургическое значение. В таком ключе этот цикл рассматривает современная исследовательница его творческого наследия философа Н.П. Крохина: «В своих статьях о великих русских поэтах Соловьёв размышляет о сущности поэзии и художественного творчества. Именно в поэзии Соловьёв видит воплощение искомого им всеединства и целого <...>» [11, с. 154].

Между тем, в научных работах о Соловьёве фигурируют различные характеристики корпуса его статей о литературе: их определяют как «критику философа» [2, с. 32], как часть «эстетики» [5; 13; 23] и как «герменевтику». Рассматривая статьи Соловьева о писателях и поэтах как литературную критику, Д.М. Магомедова отмечает, что они представляли собой утопический проект, поскольку философ в них механически перенес отвлеченную теорию на материал индивидуально-личных творческих судеб писателей и поэтов: «В применении к реальным человеческим судьбам, к психологии человеческих поступков “теургическая” теория религиозного соединения искусства и жизни оборачивалась тем самым нравоучительным дидактизмом, которого Соловьёв старался избегать в эстетических трактатах» [12, с. 761]. Подход к этим работам как разрабатывающим герменевтическую методологию возник совсем недавно. Так, Н.К. Бонецкая, развивая проект «русская герменевтика», предположила, что статьи Соловьева о поэтах и писателях отражают неудачную попытку герменевтического прочтения литературных произведений [4]. Напротив, Н.П. Крохина полагает, что именно Соловьёва следует считать основателем отечественной герменевтики [11]. Сосуществование различных подходов к статьям философа о поэтах побуждает к исследованию методологии Соловьева, к выявлению ее аналитического инструментария. В связи с этим данная статья подчинена задаче проанализировать особенности методологии Соловьева как интерпретатора поэзии Фета и в частности, рассмотреть вопрос о том, как им задействуются диалектические принципы.

Проблема «Фет и Соловьёв» не относится к числу малоизученных вопросов: освещался вопрос личных взаимоотношений философа и мыслителя [20], рассматривались отдельные аспекты влияния Фета на Соловьёва-поэта [23], а также особенности восприятия лирики Фета в литературной критике философа [19]. При этом интересующий нас ракурс еще не получил освещения в научной литературе. Особое место литературно-критических высказываний Соловьева о Фете определяется, конечно же, не суммарным

объемом сказанного философом о поэте, а в первую очередь биографическим фоном, на котором возникали литературно-критические и поэтические выступления мыслителя. С одной стороны, этот фон составляли личные отношения дружеского характера (Фет, по слову А.П. Козырева, был Соловьеву «многолетним интимным другом» [\[10, с. 393\]](#)), с другой стороны, дружба была наполнена и совместной работой над творческими проектами, будь то перевод «Энеиды» Вергилия [\[9\]](#) или подготовка к изданию поэтического сборника «Вечерние огни» [\[15\]](#). Специфику взаимоотношений Фета и Соловьева удачно определяет Г.В. Петрова, опубликовавшая в 2013 г. часть писем Соловьева Фету: «За десятилетие они <отношения – прим. Ю.А.> не только не распались, но с каждым годом углублялись и становились все более устойчивыми. Судя по всему, Фет осознавался Соловьевым как одна из важных фигур, непосредственно предвосхищающих новую культурную и духовную эпоху, наступление которой он сам предчувствовал и предуготовывал. Художественное сознание Фета “открылось” Вл. Соловьеву как почва для произрастания новых философско-эстетических и религиозных побегов мысли» [\[14, с. 363\]](#). Характеристика, сформулированная Петровой, позволяет понять тот фон, на котором рождалось понимание Соловьевым особенностей поэзии Фета.

Наиболее явственно диалектические принципы в подходе к лирике Фета прослеживаются в статье Соловьева «О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского» – из всех статей философа о поэтах именно эта содержит наиболее развернутое из его высказываний о поэзии Фета. Эта статья, как известно, вышла в журнале «Русское обозрение» в 12 номере за 1890 г., ее возникновение было инспирировано появлением цикла «Вечерние огни» Фета и сборника стихотворений Полонского «Вечерний звон». В то же время, надо думать, что прагматика этой работы носила комплексный характер. С одной стороны, статья, как отмечают Гальцева и Роднянская в комментариях к ней, «отражала эстетическую платформу нового издания», которое провозглашало «надпартийность в искусстве» и «пропагандировало чистую лирику» [\[21, с. 673-674\]](#). С другой стороны, как показывает К.В. Сарычева, в этой статье творчество Фета получило новаторскую трактовку, и в то же время его поэзия стала отправной точкой для становления соловьевского взгляда на сущность лирики как таковой: «В ней впервые высказана мысль о Фете как поэте, прозревавшем метафизическую истину. На основе своих представлений о творчестве Фета Соловьев формулирует концепцию лирической поэзии» [\[19, с. 57\]](#). Вместе с тем, представляется, что теоретические представления Соловьева о лирической поэзии не только определяются восприятием произведений Фета, но и базируются на классической эстетике, а также учитывают эстетические выкладки старших современников – литературных критиков. В теоретической части статьи, как предполагает Н.Г. Юрина, сильно влияние идей П.В. Анненкова и А.В. Дружинина – сторонников «эстетической критики» [\[24, с. 11\]](#) и вместе с тем – подхода «реального критика» Н.Г. Чернышевского [\[24, с. 11\]](#).

В статье «О лирической поэзии» анализ поэтического сборника Фета предваряется обширным теоретическим вступлением, призванным обозначить те философско-эстетические основания, исходя из которых философ анализирует стихотворения поэта. Композиция первой части статьи – той, в которой излагается «учение о лирике», – определяется, по-видимому, идущей от Аристотеля традицией «познания причинных основ» [\[1, с. 27\]](#). Недаром здесь Соловьев последовательно отвечает на вопросы: что такое «лирическая поэзия»? каков ее предмет? чем она отличается от других видов искусства? какова ее прагматика? При этом логика, которая прослеживается в ответах

на эти общетеоретические вопросы, базируется на диалектических принципах.

Определяя природу лирической поэзии, Соловьев выводит такую формулу: «Лирическая поэзия после музыки представляет самое прямое откровение человеческой души» [21, с. 399]. Эта формула зиждется на диалектике «открытости / завершенности». Ключом к пониманию того, как в этом определении взаимодействуют названные свойства, является, главным образом, контекстуальная семантика слова «откровение». В данном случае это слово связано не с идеей мистического прозрения, не со значением «внутреннее постижение чего-л.» [18, с. 211], но скорее выражает процесс по значению глагола «открыть» в устойчивом словосочетании «открыть душу», то есть, согласно дефиниции из «Семантического словаря» Н.Ю. Шведовой, «высказать откровенно самое заветное» [18, с. 207]. Душа – следуя логике соловьевского определения – как таковая закрыта, поскольку процесс откровения ее содержания предполагает то «иное» по отношению к душе, чем она не является – «лирическую поэзию» или «музыку». Одним из свойств лирической поэзии, по Соловьеву, является завершенность, о чем свидетельствует ход его рассуждений при определении предмета поэзии: «<...> субъективные состояния, как таковые <курсив Вл. Сол.>, вообще не допускают поэтического выражения; чтобы можно было облечь их в определенную форму <курсив мой – Ю.А.>, нужно, чтоб они стали предметом <курсив Вл. Сол.>» мысли. В контексте предложения словосочетание «определенная форма» функционирует как перифраза словосочетания «поэтическое выражение». Лирическая поэзия оказывается не только «инструментом» откровения души, но и тем, в чем процесс откровения находит «завершение».

В представленном в этой статье размышлении Соловьева о «предмете» лирической поэзии прослеживается диалектика и иного плана. Определяя «материал» лирической поэзии, философ остается приверженцем калокагатии (он постулирует незыблемость триады Истина, Добро, Красота). Основой поэтического произведения не могут быть «темные» стороны психики и бытовые подробности: «Как мы сказали, лирика есть подлинное откровение души человеческой; но случайное поверхностное содержание той или другой человеческой души и без того явно во всей своей непривлекательности и нуждается не столько в откровении и увековечении, сколько в сокровении <курсив мой – Ю.А.> и забвении» [21, с. 401]. Представление философа о содержании психики антиномично: психические состояния делятся на «непривлекательные» и «прекрасные». И поскольку по мысли Соловьева, первые а priori открыты, нет нужды в их творческом перевоплощении, в их диалектическом развитии. Существительному «сокрывание», более точно выражающему значение «действия и состояние по знач. глаг. сокрывать и сокрываться» [3, с. 648], философ предпочел другую его форму – «сокровение», созвучную слову «откровение», но более редкую, восходящую к церковнославянскому. (В церковнославянском значении слова «сокровение» не абстрактно, а предметно, оно обозначает «запас, провиант» [17, с. 633]). Несмотря на это, представляется, что актуализация антонимов «откровение» / «сокровение» оказывается не просто стилистическим приемом, но задает диалектическую перспективу в определении природы лирической поэзии, отчуждает от лирики «непривлекательные», «поверхностные» состояния психики, а также подспудно утверждает мысль о возможности воплощения в поэтическом слове душевной красоты. В основе соловьевского определения понятия «душевной красоты» лежит единство антиномий закрытого, внутреннего и универсального, внешнего, открытого: «В поэтическом откровении нуждаются не болезненные наросты и не пыль и грязь житейская, а лишь внутренняя красота души человеческой <курсив мой – Ю.А.>, состоящая в ее созвучии с объективным смыслом

вселенной <курсив мой – Ю.А.>, в ее способности индивидуально воспринимать и воплощать этот всеобщий существенный смысл мира и жизни» [21, с. 401]. О красоте души Соловьев размышлял как о творческой способности к освоению положительного смысла внешнего мира, к воссозданию его в новых формах. Именно диалектика внутреннего, частного и внешнего, общего отличает, по Соловьеву, лирику от других искусств: «Лирика останавливается на более простых, единичных и вместе с тем более глубоких моментах созвучия художественной души с истинным смыслом мировых и жизненных явлений» [21, с. 401]. Современный исследователь русской философии О. Смит, автор монографии о философии В. Соловьева, так характеризует соловьевскую концепцию «поэтического виденья»: «Разница между поэтическим видением и повседневным восприятием заключается не в сущности, а в качестве: глаз художника видит и чувствует то же самое, что и прозаик, но “духовное восприятие” первого является исключительным, поскольку оно проникает в чисто феноменальное, чтобы придать объекту доступную идеальную форму к ней через созерцание и вдохновение» [29, с. 220].

Состояния единства души с мировым логосом, а также способность души к таким состояниям, Соловьев называет «лирическим настроением» или «лирическим чувством». О чувстве как источнике творчества, Соловьев рассуждал еще в «Философских началах цельного знания» (1877), на что указывает Т. Немет, анализируя эту работу философа: «Подобно тому, как мышление служит субъективной основой познания, а активная воля — субъективной основой практической деятельности, так и чувство служит основой творчества» [26, с. 129]. Понятие «лирическое настроение», наряду с такими понятиями, как «откровение души», «красота души», «созвучие души с истинным смыслом явлений», — одно из ключевых в его «учении о лирике». Оно позволяет Соловьеву объяснить источник лирической поэзии, или, по Аристотелю, ее «начало движения». Объясняя, что именно он называет «лирическим настроением», философ в качестве аналогии приводит немецкое понятие «Innerlichkeit»: «Это есть первый признак лирической поэзии, ее задушевность или по-немецки Innerlichkeit. Но это лишь особенность лирического настроения, доступного и простым смертным, особенно так называемым “поэтам в душе”». В «Полном немецко-русском словаре» 1887 г. дефиниции существительного «Innerlichkeit» нет, но приведено значение прилагательного «Innerlich» – «внутренний, мысленный, тайный, сокровенный» [16, с. 385]. Соловьев, по-видимому, отсылал не столько к непосредственному значению слова, сколько к философскому понятию, обозначаемому этим словом: «внутренняя, сокровенная сущность; внутренняя жизни; душевность, искренность» [7, с. 96].

Еще одним гносеологическим «инструментом», к которому обращается Соловьев в своем «учении о лирике» служит диалектика формы и содержания. Если относительно идеи субъективности лирики Соловьев полемизирует с Гегелем, то, выдвигая тезис о единстве формы и содержания как условия истинной поэзии, русский философ предстает последователем немецкого. Разница, правда, состоит в том, что для Гегеля тождество формы и содержания – признак любого истинного искусства («Только те произведения искусства, в которых содержание и форма тождественны, представляют собой истинные произведения искусства» [6, с. 299]), а для Соловьева – это тождество является сущностной характеристикой лирической поэзии, в отличие и от поэзии «прикладной», и от других искусств: «В истинно лирическом стихотворении нет вовсе содержания отдельного от формы, чего нельзя сказать о других родах поэзии. Стихотворение, которого содержание может быть толково и связно рассказано своими словами в прозе, или не принадлежит к чистой лирике, или никуда не годится» [21, с. 402]. Лирическое

произведение рассматривается как синтез формы и замысла: «Что касается особенности лирического произведения, то она состоит в совершенной слитности содержания и словесного выражения» [21, с. 402]. В общетеоретических построениях Соловьева истинно-лирическое произведение рассматривается как развернутое к абсолюту, принципиально открытое – в силу своей обращенности к «истинному смыслу мировых и жизненных явлений» [21, с. 401] и в то же время завершенное – в силу конечности формы.

Немаловажным аспектом изложенной в статье «О лирической поэзии» теории является и проблема прагматики лирического произведения, или, иными словами – вопрос о том, в чем состоит «благо» лирической поэзии. Отвечая на этот вопрос, философ резко разошелся с эстетической критикой с ее лозунгом «искусство для искусства». Чистая лирика, по Соловьеву, не только самоценна, но и решает онтологические «задачи». Представление философа о прагматике поэзии сопряжено с идеей взаимодействия антиномий «обновления» и «ветхости». По мысли философа, «чистая лирика», в отличие от «прикладной», обращена вовсе не к «историческому» и «временному», а к поиску соответствия между индивидуально-личным и абсолютным, но и у нее есть своя «задача». Эту задачу Соловьев определяет, ориентируясь на учение Аристотеля о трагедии, о катарсисе: «Если от жизненной тревоги он <поэт – прим. Ю.А.> уходит в мир вдохновенного созерцания, то ведь он возвращается не с пустыми руками: то, что он оттуда приносит, позволяет и простым смертным “вздохнуть на мгновение чистым и свободным воздухом поэзии”. А едва ли можно сомневаться, что такое освежение полезно и для самой жизненной борьбы. Не одна только трагедия служит к очищению (καθάρισις) души: быть может, еще более прямое и сильное действие в этом направлении производит чистая лирика на всех, кто к ней восприимчив» [21, с. 404]. Здесь душа понимается как то, что в процессе жизненного пути может ветшать под воздействием бытовых обстоятельств и обновляться в процессе приобщения к вечности. Один из путей, ведущих душу к «приобщению» абсолюту, — истинная поэзия: душа, воспринимающая произведение искусства, освобождается от «всяческих житейских скорбей» [21, с. 403]. «Благо» лирической поэзии, ее «польза», таким образом, состоит в том, что освоение лирического произведения позволяет воспринимающей его душе освободиться от временного, приобщиться к вечности и через это приобщение обновиться. Поэтическое творчество и восприятие поэзии предстают способами «свободного участия человека в деле Божиим» [28, с. 148]. Интересно отметить, что если в приведенном выше высказывании Соловьева возникает метафора поэтического творчества как «ухода в мир вдохновенного созерцания», то в стихотворении «А.А. Фету, 19 октября 1884» структурообразующим элементом оказывается развернутая метафора путешествия поэта-переводчика во времени и пространстве: *Перелетев на крыльях лебединых / Двойную грань пространства и веков, / Послушал ты на царственных вершинах / Живую песнь умолкнувших певцов.* Стихотворение было написано по случаю вручения Фету первой Пушкинской премии за полный перевод Горация. В нем образ поэта-переводчика обрамлен мотивами «путешествия» (к «царственным вершинам», образ которых ассоциируется с «золотым веком», мифической Аркадией) и «возвращения» («на наши берега»). Идея осуществления перевода и обогащения культуры новым переложением Горация связана с образом «пышного лавра», с мотивом его цветения: *И пышный лавр среди степи нелюдимой / На песнь твою расцвел и зашумел.* Образ лавра, цветущего среди «степи», – это аллегория, основанная на синтезе антиномий – античности (воспринятой как время расцвета культуры, колыбели поэзии) и современности (к поэзии уже охладевшей). Поэт-переводчик рассматривается как проводник, как медиум, сумевший «воскресить» для современной культуры забытые «песнопения». Созданный в

этом стихотворении образ Фета-переводчика соотносится с теоретическим представлением Соловьева о поэте, который «приносит с другого берега» живое слово, позволяющее тому, кто его воспринимает приобщиться к универсуму.

Так, в основе структуры теоретического вступления Соловьева – гносеологические принципы, идущие от учения Аристотеля «о причинах», а логика его рассуждения зиждется на диалектическом взаимодействии таких свойств и категорий, как «открытость» / «завершенность»; «форма» / «содержание»; «обновление» / «ветхость». Такое восприятие лирики определяет подход философа к конкретным лирическим произведениям Фета. Стихотворения Соловьев анализирует сквозь призму представления о лирическом произведении как синтезирующем открытость к универсальным духовным законам и завершенность формы.

Рассуждая о лирике Фета, Соловьев выбирает 33 стихотворения из цикла «Вечерние огни». Сначала рассматриваются те стихотворения, которые, по мысли философа, отражают мироощущение поэта: «Кому венец: богине ль красоты...», «Я видел твой млечный, младенческий волос...», «Добро и зло» («Два мира властвуют от века...»), «Не тем, Господь, могуч, непостижим...», «Поэт» («Сердце трепещет отраднo и больно...»), «Одним толчком согнать ладью живую...», «Всё, всё мое, что есть и прежде было...», «Я потрясён, когда кругом...», «Как беден наш язык! — Хочу и не могу...», «Только в мире и есть, что тенистый...». Затем философ цитирует произведения, выражающие характер «лирического настроения» поэта: «Как мошки зарею...», «Сны и тени...», «Сновиденье, Пробужденье...», Фредерику Шопену («Ты мелькнула, ты предстала...»), Романс («Злая песнь! Как больно возмутила...»), «Что ты, голубчик, задумчив сидишь...». И наконец, философ отмечает стихотворения, наиболее показательные с точки зрения проблемно-тематического диапазона сборника: «Ты отстрадала, я ещё страдаю...», «Томительно-призывно и напрасно...», «Alter ego» («Как лилея глядится в нагорный ручей...»), «Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...», «В страданьи блаженства стою пред тобою...», «Кровию сердца пишу я к тебе эти строки...», «Страницы милые опять персты раскрыли...», «Не вижу ни красы души твоей нетленной...», «Нет, я не изменил. До старости глубокой...», «Во сне» («Как вешний день, твой лик приснился снова...»), «Жду я тревогой объят...», «В степной глуши, над влагой молчаливой...», «Майская ночь», «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...», «Море и звезды», «Сонет» («Когда от хмелю преступлений...»), «На смерть Мити Боткина» («Тебя любили мы за резвость молодую...»). В рамках каждой из названных перспектив («мироощущение», «лирическое настроение» и «проблемно-тематический диапазон») логика философа тоже обнаруживает диалектичность. Так, например, к числу «постулатов», на которых зиждется мироощущение Фета, Соловьев относит примат духовного внутреннего мира над внешним материальным: «Внутренний духовный мир еще более реален и бесконечно более значителен для поэта, чем мир материального бытия» [21, с. 405]. Примером, иллюстрирующим этот тезис, служит стихотворение Фета «Не тем, Господь, могуч непостижим...»: в этом произведении противопоставляется внешняя ограниченность человека, его «мгновенность», безграничности духовного мира, временной и пространственной свободе, безотносительности. Имплицированная диалектика интерпретации Соловьева определяется тем, что «духовное» и «материальное» в этом стихотворении предстают антиномичными свойствами, утрачивающими автономию в единстве лирического «я».

Проанализировав специфику воплощения в стихотворениях Фета «лирического настроения», Соловьев пришел к выводу о том, что изначальный импульс поэта к творчеству связан с его стремлением придать форму мистическим состояниям души,

когда она обращена к сверхбытийному. В стихотворениях «Сны и тени...» и «Сновиденье, Пробужденье...» философ увидел попытку отразить источник истинной поэзии – еще не обретшие разрешенность в слове переживания: «Здесь, – писал философ о стихотворении «Сны и тени...», – поэт как бы открывает нам самые корни лирического творчества, которые сравнительно с цветущим растением, конечно, темны, бледны и бесформенны» [21, с. 409]. Обращает на себя внимание на то, что Соловьев в соответствии с выдвинутой им в начале статьи формулой лирической поэзии рассматривает стихотворение как «откровение»: в произведении «открывается» тот таинственный и сложно фиксируемый опыт, за которым следует творческий акт. Бесформенности проживаемого душой опыта противопоставлена оформленность художественного произведения, в котором переживание находит воплощение и разрешение. Интересно в этой связи, что сама форма стихотворения «Сны и тени...» нацелена на приобщение читателя к опыту поэта. На это указывает современная исследовательница творчества Фета, : «<...> строфическая организация стихотворения помогает превратить его чтение в своеобразное переживание» [25, с. 281].

Исследуя проблемно-тематический диапазон «Вечерних огней», Соловьев исходит из того, что поэтическая душа воспринимает истинный смысл мира через эстетические впечатления, полученные в ходе созерцания красоты природы и, с другой стороны, через исходящие из внутренних сил души любовные переживания: «Эти две темы: вечная красота природы и бесконечная сила любви – и составляют главное содержание чистой лирики» [21, с. 412]. Лирическая поэзия здесь понимается философом как результат процесса воплощения феноменов, свободных от условностей времени (красота природы) и пространства (любовь), произведения чистого поэтического искусства в своих завершенных формах фиксируют опыты соприкосновения души с вечностью. В то же время сами эти аксиологические доминанты – красота природы и любовь – могут, с точки зрения философа, находить различные пути отражения в стихотворениях Фета. Особенности воплощения этих тем рассматриваются в перспективе диалектики частного и общего: «Истинный смысл вселенной – индивидуальное воплощение мировой жизни, живое равновесие между единичным и общим, или присутствие всего в одном, – этот смысл, находящий себе самое сосредоточенное выражение для внутреннего чувства в половой любви, он же для созерцания является как красота природы» [21, с. 418]. Объяснение космологии Соловьева дает современный американский исследователь русской философии Р. Пул, с точки зрения которого метафизика всеединства связана с пониманием «космоса как проявления божественного абсолюта в процессе его собственного становления или самореализации» [28, с. 132]. В этом смысле Соловьев по-гегелевски связывает становление абсолюта с его участием в жизни каждого элемента космоса, в том числе и в процессе художественного творчества. И хотя в статье «О лирической поэзии» слова «всеединство» нет, приведенное выше высказывание философа свидетельствует о том, что Соловьев как интерпретатор лирики Фета обращал внимание на те стихотворения «Вечерних огней», в которых особенно явно выражается интуиция о единстве индивидуального и общего, единичность и множественность, мгновенность и бесконечность. Рассуждая о любовной лирике Фета, он отметил, что в ней воплотилось «индивидуально-духовное отношение, сосредоточенное в своем единственном предмете, внутренне-бесконечное и ничем не сокрушимое» [21, с. 413]. При этом общим для любовных стихотворений Фета считает то, что все они становятся выражением, оформлением любви как вечной ценности: «<...> настоящая любовь, над которою бессильны время и смерть, не остается только в сердечной думе поэта, она воплощается в осязательные образы и звуки и своею посмертною силой

захватывает все его существо» [21, с. 415]. Аналогичный подход обнаруживается и в интерпретации натурфилософской лирики Фета. Продолжая отрицать идею Гегеля о «субъективности» лирики, Соловьев подчеркивает, что в некоторых произведениях Фета красота природы передается настолько точно, что личность поэта отступает на второй план: «Есть лирические стихотворения, в которых красота и жизнь природы прямо отражаются в поэтической душе, как в зеркале, не оставляя никакого места для ее субъективности: видишь образ, овладевший поэтом, а самого поэта совсем не видно» [21, с. 420]. Стихотворения о природе рассматриваются как синтезирующие объективное (природа) и субъективное (личное восприятие поэта).

Проведенный имманентный анализ статьи Соловьева «О лирической поэзии», показывает, что диалектика таких свойств, как «открытость» / «завершенность», «единичность» / «множественность», «субъективность» / «объективность» оказывается одним из инструментов интерпретации Соловьевым лирики Фета. Соловьев рассматривает ее как метафизическое откровение, стихотворения Фета предстают развернутыми к вневременному. Обращение к диалектике позволяет философу показать, как именно, с его точки зрения, в стихотворениях Фета утверждается вечно-истинное духовное над временным материальным. Вместе с тем, именно «материальное», завершенное в построениях Соловьева предстает и ключом к «духовному», и посредником между откровением и читателем. Актуализация диалектики в качестве одной из оптик анализа лирики сближает метод интерпретации Соловьева с его философской программой «положительной эстетики» в целом и, с другой стороны, позволяет по-новому взглянуть на проблему взаимосвязи интерпретативной стратегии философа с герменевтической традицией. Теоретические рассуждения Соловьева о том, чем является лирическая поэзия как таковая, композиционно и риторически восходят к учению Аристотеля о «причинах», а сама система идей выстроена в неоплатонической парадигме и базируется на традициях классической эстетики и русской литературной критике. Проведенный анализ задает и новые исследовательские перспективы, в частности обнаруживает необходимость изучения диалектических принципов в подходе Соловьева к лирике других русских поэтов.

Библиография

1. Аристотель. Метафизика. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 232 с.
2. Асадулаева Г.Х. Особенности критического метода Владимира Соловьева // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки, 2007. № 6. С. 30–37.
3. Большой академический словарь русского языка. Т. 26. М., СПб.: Наука, 2019. 696 с.
4. Бонецкая Н. К. Предтечи русской герменевтики // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 90–98.
5. Бычков В.В. Эстетика Владимира Соловьева как актуальная парадигма // История философии. 1999. № 4. С. 3–43
6. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
7. Зайцева З.Н. Немецко-русский и русско-немецкий философский словарь. М.: Изд-во МГУ, 1998. 320 с.
8. Иванова Е.В. Владимир Соловьев и формирование русской религиозно-философской эстетики // Соловьевские исследования. 2006. Вып. 1 (12). С. 5–60.

9. Ипатова С.А. Об участии В.С. Соловьева в фетовском переводе «Энеиды» Вергилия // Соловьевские исследования. 2020. №. 4 (68). С. 119–135.
10. Козырев А.П. Соловьев и гностики. М.: Изд. Савин С.А. 2007. 544 с.
11. Крохина Н.П. Вл. Соловьев и рождение русской герменевтики // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 4. С. 153–156.
12. Магомедова Д.М. Владимир Соловьев // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. С.732–779.
13. Мусаева Г.Х. Эстетические основы философско-литературной критики В.С. Соловьев // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. Вып. 3. С. 16–19.
14. Переписка Фета с Вл.С. Соловьевым (1881–1892) / Публикация Г. В. Петровой // А.А. Фет: Материалы и исследования. Вып. 2. СПб.: Контраст. 2013. С. 359–428.
15. Пильд Л. «Вечерние огни» Фета и «зодчество» Соловьева // От Кибирова до Пушкина: сборник в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М., 2011. С. 436–447.
16. Полный немецко-русский словарь. СПб.: Стереотипное заведение Исидора Голдбе. 1877. 414 с.
17. Полный церковнославянский словарь. М.: Отчий дом, 2004. 1120 с.
18. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 3. М.: Азбуковник, 2003. 720 с.
19. Сарычева К.В. Восприятие Ф.И. Тютчева и А.А. Фета в русской литературной критике 1870-х – 1900-х гг. PhD Thesis. Тарту. 2016. 173 с.
20. Силакова Д.В. «Твое благословение на этот путь заранее со мной...» (К вопросу о взаимоотношениях В.С. Соловьева и А.А. Фета) // А.А. Фет: проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1998. С. 52–59.
21. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство. 1991. 701 с.
22. Соловьев С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель. Жизнь с Богом. 1977. 448 с.
23. Рашковский Е.Б. Философская поэтология Вл. Соловьева // Соловьевские исследования. 2018. Вып. 4 (60). С. 11–26.
24. Юрина Н.Г. Литературно-критическая концепция В.С. Соловьёва: истоки, становление, развитие. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2013. 280 с.
25. Klenin E. The Poetics of Afanasy Fet. Böhlau, 2002. 409 p.
26. Nemeth T. The Later Solov'ev. Philosophy in Imperial Russia. Springer, 2019. 317 p.
27. Obolevitch T. Faith and Science in Russian Religious Thought. Oxford. Oxford University Press. 2019. 235 p.
28. Poole, R.A. Vladimir Solov'ev's philosophical anthropology: autonomy, dignity, perfectibility. In: A History of Russian Philosophy 1830–1930. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. P. 131–150).
29. Smith O. Vladimir Soloviev and the spiritualization of matter. Boston, Academic Studies Press. 2011. 325 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Лирика А.А. Фета в интерпретации Вл. Соловьева: к вопросу о методологии», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению философской критики на лирику А. А. Фета.

Целью данной работы заявлено выявить и проанализировать взгляды Вл. Соловьева как представителя философской критики на сущность поэтического творчества на материале работ о лирике А.А. Фета. Считаем, что поставленная цель реализована в тексте статьи. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной филологии. Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. К сожалению автор не указывает объем корпуса исследования, а также методологию его формирования. Теоретические измышления недостаточно проиллюстрированы языковыми примерами, а также не представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования.

Кроме того, отсутствует информация о языковом корпусе исследования, на котором оно зиждется.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых представлены работы исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к оригинальным работам зарубежных авторов по смежной тематике, несомненно, обогатило бы работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников.

В работе допущены ряд пунктуационных, орфографических ошибок и стилистических неточностей, к примеру, «Лирические произведения Фета как Соловьев анализирует сквозь призму такого представления о лирическом произведении,...», «Каковы же те абсолютные истины, к которым обращен Фет как чистый лирик, по Соловьеву...», «К числу «откровений», выраженных в лирике Фета Соловьев относит следующие...» и далее по тексту.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов теории литературы, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Лирика А.А. Фета в интерпретации Вл. Соловьева: к вопросу о методологии» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после вычитки текста, устранению

допущенных ошибок, структурированию библиографического списка с учетом действующего библиотечного ГОСТа.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой статьи ориентирована на методологию оценки лирики А.А. Фета Вл. Соловьевым. Заметим, что предмет рассмотрения не является абсолютно, однако, заслуживает должного внимания. Автор последователен в своем сочинении, от номинаций общего характера осуществлен переход к детальному разбору. Как отмечается в начале труда, «среди созданных Владимиром Сергеевичем Соловьевым трудов особое влияние на процесс формирования русской религиозно-философской эстетики оказали его теоретические статьи об искусстве, а также цикл работ о писателях и поэтах. Большинство этих работ были опубликованы при жизни философа, в основном в журнале «Вестник Европы». Некоторые из этих статей (например, статья о М.Ю. Лермонтове) при жизни Соловьева не печатались, но их объединяет взаимосвязь с эстетической программой философа, реализованный в них метод интерпретации и то, что они были написаны в последний период творчества философа. В основной корпус статей, позволяющих судить о подходе философа к русским поэтам, входят следующие работы: «Судьба Пушкина», «Лермонтов», «Поэзия Ф.И. Тютчева», «Поэзия гр. А.К. Толстого», «О лирической поэзии», «Буддийское настроение в поэзии». В целом работа имеет законченный вид, основные моменты, связанные с трактовкой лирики А.А. Фета Вл. Соловьевым, определены. Критическая палитра очерчена фактурно, цитации даны в допустимом формате. Например, «ориентация на обнаружение процесса раскрытия «вечного», абсолютного в завершенной форме художественного произведения проявляется и в работах Соловьева о поэтах, ведь, с его точки зрения, истинная поэзия – та, что воплощает вечные истины. Недаром Р.А. Гальцева и И.Б. Роднянская во вступительной статье к собранию литературной критики философа отмечают: «Ведущая мысль Соловьева – о свете преображения, которым будет пронизан и претворен весь тварный мир» [21, с. 9]. Показательно и сформулированное Гальцевой и Роднянской соотношение диалектических оснований эстетики Гегеля и эстетики Соловьева: если для Гегеля, по мысли исследовательниц, завершенное, «мир воплощенных форм» второстепенны по отношению к Абсолюту, то соловьевская эстетика зиждется на идее реального блага «воплощенной красоты» и т.д. Материал будет полезен при изучении русской литературы XIX века, в частности творчества Афанасия Фета. Отмечу, что замысел исследования продуман, серьезных фактических нарушений не выявлено. Стиль ориентирован на научный тип: например, «немаловажным аспектом изложенной в статье «О лирической поэзии» теории является и проблема прагматики лирического произведения, или, иными словами – вопрос о том, в чем состоит «благо» лирической поэзии. Отвечая на этот вопрос, философ резко разошелся с эстетической критикой с ее лозунгом «искусство для искусства». Чистая лирика, по Соловьеву, не только самоценна, но и решает онтологические «задачи». Представление философа о прагматике поэзии сопряжено с идеей взаимодействия антиномий «обновления» и «ветхости». По мысли философа, «чистая лирика», в отличие от «прикладной», обращена вовсе не к «историческому» и «временному», а к поиску соответствия между индивидуально-личным и абсолютным, но и у нее есть своя «задача». Наличного текстового объема достаточно для раскрытия сути вопроса. В итоговой блоке автор приходит к выводу, что «проведенный имманентный анализ статьи Соловьева «О

лирической поэзии», показывает, что диалектика таких свойств, как «открытость» / «завершенность», «единичность» / «множественность», «субъективность» / «объективность» оказывается одним из инструментов интерпретации Соловьевым лирики Фета. Соловьев рассматривает ее как метафизическое откровение, стихотворения Фета предстают развернутыми к вневременному. Обращение к диалектике позволяет философу показать, как именно, с его точки зрения, в стихотворениях Фета утверждается вечно-истинное духовное над временным материальным. Вместе с тем, именно «материальное», завершенное в построениях Соловьева предстает и ключом к «духовному», и посредником между откровением и читателем...» и т.д. Статью отличает конструктивная позиция исследователя, которая логически представлена в основной части. Текст не нуждается в серьезной правке и доработке. Рекомендую статью «Лирика А.А. Фета в интерпретации Вл. Соловьева: к вопросу о методологии» к открытой публикации в журнале «Litera».